

Мэн Цэ замер: «Он и вправду тебе всё рассказывает».

Гу Тин улыбнулся: «Мы же друзья».

Мэн Цэ сложил руки в благодарственном жесте: «Всё уже улажено, спасибо за участие».

Ночной ветер был ледяным, обжигал лицо до костей, но красные сливы в саду ничуть не боялись, робко распуская бутоны в северном ветру, лепесток за лепестком, трепеща, обнажая свою нежную и стойкую суть.

«Ваше высочество, не думали ли вы... рассказать Мэн Чжэню о внешних делах, помочь ему повзростеть?» — после долгого колебания Гу Тин всё же высказал эту мысль. — «Он кажется мягким, но на самом деле умен и проницателен».

«Как же я мог не думать?»

Мэн Цэ смотрел на хрупкие лепестки сливы, и выражение его лица стало горьким: «В жизни каждого бывают неожиданности. Сколько бы я его ни оберегал, это не сравнится с его собственными умениями. Я бы отдал всё, чтобы научить его всему, что знаю сам, но его здоровье... не позволяет».

Гу Тин удивился: «Здоровье?»

Мэн Цэ кивнул, медленно сжимая за спиной кулак: «Ему нельзя переутомляться и много размышлять. Даже при тщательном уходе он временами кашляет кровью. Если он перетрудится или будет слишком много волноваться, это не только не даст ему поправиться, но и сократит жизнь».

Гу Тин нахмурился: «Что это за болезнь?»

«Это не болезнь. Это яд».

«Какой яд?»

Мэн Цэ умолк, и Гу Тин не стал настаивать. Казалось, разговор окончен, но спустя долгую паузу Мэн Цэ всё же произнёс: «Неизвестный яд. Он отравился в детстве. За эти годы мы обошли всех знаменитых врачей, но радикального лечения нет. Нынешнее состояние — лучшее из возможных. Если беречь себя, не перетруждаться и не волноваться, можно дожить до старости. Приступы с кровью нельзя полностью излечить — если они прекратятся, яд проявится и мгновенно убьёт. Врачи говорят, что небольшая кровопотеря не страшна: у человека есть костный мозг, и при должном питании кровь восстановится. Но если он будет чрезмерно радоваться, гневаться или печалиться, и кровотечения станут обильны, — костный мозг не справится, не успеет восполнить потерю, и тогда не спасёт даже бог».

Гу Тин понял: «Значит, в тот раз он так сильно харкал кровью из-за потрясения, страха и тяжких дум?»

Взгляд Мэн Цэ наполнился болью: «Да. И ещё спасибо за твои лечебные блюда. Без твоей помощи я бы, наверное, не увидел...»

Более страшных картин, более страшных слов он не смел воображать и произносить.

Гу Тин вспомнил, каким впервые увидел Мэн Чжэня, и сердце его сжалось. Тот не умел

драться, не обладал особыми навыками, в одиночку отправился так далеко, боялся говорить об опасности, ни к кому не мог обратиться, постоянно харкал кровью, дошёл до предела — исхудавший, изголодавшийся. Если бы не случайная встреча и не то, что Гу Тин приютил его, сколько бы ещё Мэн Чжэнь прожил?

Мэн Цэ провёл рукой по лицу: «Хо Янь рассказал тебе о том, что было шесть лет назад?»

Гу Тин кивнул: «Да».

Собственно, признание и не требовалось. Мэн Цэ и так всё понял: во-первых, взгляд Хо Яня на Гу Тина был слишком красноречив, их близость очевидна, и тайн между ними мало; во-вторых, двор невелик, и если прислушаться, можно услышать, о чём говорят другие.

«Не говори моему брату. Он больше всего боится стать обузой».

Гу Тин на миг застыл, потом усмехнулся: «Вы с Хо Янем и впрямь большие друзья. Только что, провожая его, я услышал от него ту же просьбу».

«Хо Янь...» — Мэн Цэ запрокинул голову, прикрыв глаза ладонью, и голос его охрип. — «Я перед ним в долгу. Шесть лет я ждал, когда он придёт с расплатой, и в то же время...»

Он не договорил, но Гу Тин понял: он ждал, когда Хо Янь предъявит счёт, и боялся этого момента.

«Я столько ему должен, но даже жизнь отдать не могу», — тихо произнёс Мэн Цэ. — «Брат мой ещё так молод. Если меня не станет, как он выживет?»

«Я и всегда был подлецом, так и буду жить дальше — подло».

На этом разговор иссяк. Вино ещё не успело опьянить, но Мэн Цэ уже казался пьяным. Он поднялся, поправил одежду: «Позвольте откланяться».

Гу Тин смотрел, как его фигура растворяется в глубине крытой галереи, и теперь яснее понимал слова Хо Яня и ношу Мэн Цэ. У каждого из них был свой свет, способный озарить путь вперёд и тех, кто рядом. А иные люди... просто живя, уже спасают кого-то.

На Мэн Цэ висел груз, и Хо Янь знал это. Пока этот узел не будет развязан, спокойного общения не получится. Никто из них не был виноват, и Мэн Чжэнь тоже не был виноват. Виновата была война и те, кто её затеял! Тридцать тысяч воинов Армии Стражей Севера, несколько жизней семьи Хо, страдания пограничного народа — что всё это значило для тех людей? Успех? Достижения? Или огромная выгода? Неужели их сердца не сжимались? Неужели в глухую ночь к ним не являлись призраки, требующие расплаты?

В прошлой жизни он не ведал, но теперь, очнувшись здесь, он должен сделать нечто значимое. По крайней мере, в этой партии он глубоко укоренится в городе Цзююань и озарит его своим светом!

...

На следующее утро Мэн Чжэнь проснулся, потёр глаза и инстинктивно позвал: «Братец?»

Никто не отозвался. Неужели вчерашнее было видением?

«Братец!»

В его голосе прозвучала тревога.

«Проснулся?» — Мэн Цэ подошёл с горячим полотенцем, чтобы умыть брата. — «Ленивец, уже давно пора вставать».

Увидев брата, Мэн Чжэнь мгновенно расслабился, покорно поднял лицо и глупо ухмыльнулся: «Братец... ты пришёл за мной!»

«Угу».

Мэн Цэ наклонился, коснувшись лбом лба брата: «Не приходи я — ты бы, пожалуй, свою жизнь промотал».

«Хе-хе... да я же в порядке, дуракам везёт!» — он протянул к брату лапку.

Мэн Цэ накрыл её полотенцем и вытер.

Мэн Чжэнь дёрнул руку: «Не это!»

«А что?»

Мэн Чжэнь надул щёки: «Деньги! Деньги!»

Мэн Цэ: ...

Видя, что брат не догадывается, Мэн Чжэнь взял дело в свои руки и принялся его обшаривать. Нашёл... несколько банкнот. Сумма вроде бы немалая, но купюр слишком мало.

«И это всё?» — Мэн Чжэнь был разочарован.

Мэн Цэ вздохнул: «Я спешил тебя найти, не успел взять больше».

Мэн Чжэнь надул щёки, как паровозик, с явным презрением: «Братец, какой же ты бедный».

Ловким движением он вытащил из Мэн Цэ продолговатую нефритовую табличку: «Ладно, с этим я тебя прощаю».

Более не устаивая брата вниманием, Мэн Чжэнь, прижимая к груди банкноты и табличку, топотом побежал к Гу Тину и вывалил всё на стол: «Держи!»

Гу Тин остолбенел: «Что?»

Мэн Чжэнь с серьёзным видом заявил: «Я не буду дармоедом! Э... хоть я тогда и нагло прицепился к тебе и ел твою еду, но я знал, что у моего брата есть деньги и он потом отдаст».

Гу Тин скривил губу: «Я же уже говорил? Между друзьями нет счётов. Я тебя кормил не ради денег».

«Знаю, — сказал Мэн Чжэнь с видом человека, объясняющего очевидное. — Но раз уж досталось даром, почему бы не взять? Это же деньги!»

Гу Тин: ...

А брат в курсе, как ты его подставляешь?

Малыш смотрел на него с таким выражением, будто говорил: «Возьмёшь — и всё, а не возьмёшь — я сцену устрою». Гу Тину ничего не оставалось. Он взял банкноты, а табличку вернул: «Мне хватит и этого».

Прожив одну жизнь заново, он не был слепцом. Нефритовую табличку было не спутать — отменное качество, тонкая работа, фамильный герб, налёт старины. Сразу видно — вещь, которую использует князь Гуцзана, возможно, для связи со своими людьми.

Мэн Чжэнь надулся: «Нет, обязан взять!»

Гу Тин вздохнул: трудная задача.

За галереей Мэн Цэ тоже вздохнул, глядя на брата...

Постучав, он вошёл в зал и кивнул Гу Тину: «Раз даёт — бери. Вещь не так страшна, как кажется. С её помощью можно связаться с любым заведением или человеком князя Гуцзана, получить деньги, но с ограничением по сумме на короткий срок».

Гу Тин взял табличку: «Что ж, тогда возьму».

В сущности, взял не взял — неважно. Просто не будет пользоваться.

«И ещё я пришёл попрощаться».

Эти слова застали Гу Тина врасплох, но Мэн Чжэнь отреагировал первым: «Так... скоро?»

Мэн Цэ погладил брата по голове: «Я уже слишком долго отсутствую. Раз нашёл тебя, нельзя больше задерживаться».

Мэн Чжэнь понял, покорно кивнул, а глаза его постепенно наполнились слезами.

Его взросление шло иначе, чем у других. Впервые он познал вкус дружбы, ещё не успев им насладиться, а уже столкнулся с разлукой.

Гу Тину тоже стало грустно. Он подошёл и потрепал приятеля по голове: «Ладно, мы не так далеко друг от друга. Можем переписываться. А после Нового года я к тебе наведаюсь, а?»

<http://bllate.org/book/16279/1466109>